

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/politics/praktika-chrezvychaynyh-polozheniy-i-sekyuritizaciya-politicheskogo-upravleniya-v>

• Автор: [Денис Греков](#)

[Практика «чрезвычайных положений» и секьюритизация политического управления в России](#)

Распространение случаев использования чрезвычайного положения (ЧП) в качестве российской политической управленческой практики отчасти укладывается в современные тенденции развития даже европейских демократических государств – во всяком случае, если верить итальянскому философу Джорджо Агамбену. Но наличие таких управленческих диспозитивов имеет в России давнюю историю и может быть прослежено еще от екатерининского «Наказа Уложенной комиссии», в котором императрица обосновывала необходимость самодержавия для России именно как чрезвычайного способа управления, который единственный позволяет компенсировать огромные коммуникационные издержки скоростью принятия решений: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространством толь великаго государства. ... Надлежитъ, что бы скорость въ рѣшеніи делъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медлѣніе, отдаленностію мѣстъ причиняемое».

С тех самых пор российская власть так или иначе воспроизводила ключевые черты чрезвычайного

правления практически до самого краха СССР. «Комиссарское» чрезвычайное правление периода революции и гражданской войны достаточно быстро утвердилось как «суверенная диктатура» при Сталине. В советское время менялись только фазы чрезвычайного режима. Фиктивный (или политический) чрезвычайный режим времен борьбы с врагами народа и внешним капиталистическим окружением сменился «действительным чрезвычайным правлением» во время Второй мировой войны и наиболее активной фазы Холодной войны. Возвращение в стадию фиктивного чрезвычайного режима окончательно состоялось уже примерно к середине постсталинистского советского режима, хотя можно отметить и отдельные локализации действительных чрезвычайных управленческих мер – связанные с карибским кризисом, бунтами в Новочеркасске и других городах, вводом войск в Чехословакию и Афганистан, а также волнениями в Алма-Ате, Баку, Душанбе и Вильнюсе. Постсоветская Россия также не смогла обойтись без чрезвычайных мер в своей политической и экономической жизни, хотя и сменила формат их законодательной кодификации.

Современная Россия относится к числу стран, которые явным образом регламентируют ЧП в своем законодательстве. Прежде всего этому посвящен Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006. Определяемый в нынешней редакции закона правовой режим, действующий на территориях проведения контртеррористических операций (КТО), по всем параметрам является чрезвычайным. Например, описывающая этот правовой режим статья 11 отменяет целый ряд личных прав, закрепленных в Конституции РФ, таких как неприкосновенность жилища, право свободного перемещения, свободное получение информации и услуг связи, а 22 статья ставит под вопрос неприкосновенность личности и презумпцию невиновности: «Лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными». Из этого следует, что виновность уничтоженного силовиками террориста оказывается установленной постфактум и не судом, а скорее самими же силовиками, при этом любой сопутствующий ущерб или жертвы также легализуются.

Приостановление действия обычных законов дополняется пунктом 2 статьи 12, согласно которому решение о проведении КТО может быть принято либо на федеральном, либо даже на территориальном уровне службами безопасности, а также пунктом 3, согласно которому обязанность информировать о КТО президента, премьера, спикеров Совфеда или парламента или иных должностных лиц федерального уровня возникает только если «для проведения контртеррористической операции требуются значительные силы и средства и она охватывает территорию, на которой проживает значительное число людей». Совершенно очевидно, что это делает введение режима ЧП совершенно неподконтрольным любым властям, кроме исполнительной, «силовики» же осуществляют контроль за проведением этого режима и оценкой его результатов. В итоге именно такого законотворчества можно говорить о режиме КТО как о классическом ЧП, в рамках которого временно упраздняются различия между законодательной, исполнительной и судебной властями, а само право переходит в кеноматическое состояние – то есть, создается правовой вакуум. Такая сфера отторжения от человека его прав может быть создана на любой территории (в том числе зарубежной, согласно пункту 4 статьи 6) и на любое время, поскольку решение о прекращении режима КТО примет тот же, кто его принял, либо его вышестоящий начальник.

Впервые режим КТО был введен на территории Чечни указом президента Ельцина от 23 сентября 1999 года. Постепенно эта практика стала вполне обыденной для всех регионов Северного Кавказа: режим ЧП вводился до нескольких раз за неделю в Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В самой Чечне КТО непрерывно длился 10 лет, вплоть до отмены в 2009 году. Режим на северокавказских территориях имеет как черты фиктивного (политического), так и действительного ЧП – в той части, где он направлен против действующих исламистов или сепаратистов. Судить о том, какая составляющая преобладает, крайне проблематично из-за закрытости властей самих северокавказских регионов, недостатка там независимых СМИ, сокрытия информации силовыми ведомствами. По косвенным признакам – таким, как проведение КТО, в ходе которой [намеренно был убит](#) ребенок, или иным, ставшим известными, случаям явного [злоупотребления](#) своими возможностями – можно предположить, что ЧП давно стало ключевым элементом политического управления северокавказскими

регионами.

Эти регионы, характеризующиеся огромными экономическими и социальными трудностями, высоким уровнем коррупции, конфликтогенной клановой и родо-племенной структурой политических элит, наличием давних межнациональных проблем и серьезным влиянием радикального исламизма, вероятно, утратили уже возможность обеспечивать политическую стабильность без использования ЧП, оправдываемого войной с терроризмом. Загоняя все эти проблемы внутрь, подавляя несогласных и политических конкурентов с помощью чрезвычайных мер, власти лишь увеличивают напряженность и создают «замкнутый круг», будучи вынужденными все масштабнее и чаще применять чрезвычайные меры для сохранения контроля. При этом разграничить войну и норму в чрезвычайной практике общество уже не может, т.к. не имеет никакой возможности контролировать обоснованность введения КТО, кроме очевидно вызванных проведенными терактами. Многочисленные же сообщения о ликвидации очередного «лидера бандподполья» неverified и, скорее всего, являются лишь верхушкой айсберга. В последнее время и на такие операции распространяется режим молчания, что легко отследить по падению почти до нуля частотности сообщений о них в СМИ или, например, по поведению в ЖЖ аккаунта [HardIngush](#), который велся от имени якобы бойца спецназа. Ранее регулярно сообщавший о «спецоперациях», с эксклюзивными фото и подробностями, этот аккаунт был переименован в molonlabe, подчистил историю, стал более абстрактным и уже год не активен. Разумеется, ни появление этого аккаунта, ни его отход в тень не могут быть самодеятельностью данного бойца и больше соотносятся с информационной политикой силовых ведомств.

С учетом того, что на Северном Кавказе практика ЧП уже отработана и создана законодательная база, которая позволяет ей пользоваться, следует по мере роста социальной, экономической и межнациональной напряженности ожидать ее распространения на всю территорию России. Однако пока это происходит редко и вызывает острую [реакцию](#) – как, например, «ночь длинных ковшей» в Москве. Открытому использованию ЧП власти предпочитают все более тотальное использование «парадигмы безопасности», что позволяет в достаточной пока степени расширять границы контроля. Разумеется, этот контроль давно уже перешел точку конфликта с частными свободами, но российское общество еще этого не осознало, или это пока его не очень волнует. Наступление проводится практически во всех сферах: в рамках «борьбы с терроризмом» банки получили право блокировать счета, осуществляющие подозрительные с их точки зрения транзакции, для обработки сигнала камер наблюдения используется программный комплекс с функцией распознавания лиц, рамки металлоискателей появились уже чуть ли не на входах в киоски, не говоря уже о метро, где «сотрудник службы безопасности» метрополитена может попросить вас пройти досмотр – т.е. человек, не имеющий внятного правового статуса, может вас остановить и устроить досмотр. Стоит ли в такой ситуации вспоминать о «поправках Яровой» - [квинтэссенции](#) жанра антиутопии.

Сфера контроля постоянно расширяется – в этом суть работы парадигмы безопасности. Но, как однажды написал Барри Бьюзан, проблема в том, что безопасности, как и контроля, не может быть достаточно. Однако естественный потолок для технической реализации такого подхода в России уже близок – возникающие проекты дополнительных мер безопасности неизбежно будут наткнуться на недостаток ресурсов, денег или кадров. Собственно, с этим уже [столкнулся](#) тот же проект поправок Яровой, который так и не был реализован. Сможет ли Россия вообще найти столько ресурсов, чтобы создать и поддерживать аналог «великого китайского фаервола», – большой вопрос. Именно поэтому стоит ожидать, вероятно, все большего применения ЧП, ведь это требует меньше затрат, а главное – более понятно и привычно. В конце концов, пресловутое «ручное управление», когда президент после прямого обращения на «горячей линии» в прямом эфире приказывает [починить](#) какую-то детскую площадку в Подмоскowie, или [оказать](#) медицинскую помощь, – тоже не что иное, как одна из практик ЧП. Эта демонстрация того, что без чрезвычайных мер не решаются даже такие вопросы, – очень странная идея для политического шоу, но только не в России. В итоге остается сообщить лишь одно – чрезвычайное положение не может решать проблемы, оно только заставляет молчать недовольных и откладывает решение до момента, пока пар не разорвет котел. Случится ли это в России вновь, мы рано или поздно увидим.

теги

[protest](#)
[censorship](#)

[authoritarianism](#)

категории

[Politics](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu